

Тайна египетской гробницы

КУЛЬТУРА
ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО

РАССКАЗ

АГАТА КРИСТИ

ВСЕГДА считал, что одним из наиболее ужасных и драматических дел, в которых мне довелось участвовать вместе с Пуаро, было расследование загадочных смертей, последовавших вскоре после того, как была найдена и вскрыта гробница царя Менхер-Ра.

Буквально сразу вслед за обнаружением лордом Карнарвоном гробницы Тутанхамона сэр Джон Уиллард и мистер Блейбнер из Нью-Йорка, производя раскопки в районе пирамид Гизы под Каиром, натолкнулись случайно на несколько захоронений. Их открытие вызвало небывалую сенсацию. Как оказалась, это была гробница царя Менхер-Ра, одного из наиболее мрачных представителей восьмой династии фараонов древнего Египта. Об этом периоде было известно очень немного, и открытие гробницы широко освещалось в прессе.

Но вскоре произошло событие, целиком и полностью захватившее умы многих людей. Сэр Джон Уиллард скоропостижно скончался от сердечного приступа.

Газеты немедленно воспользовались этим и принялись обсуждать всевозможные старые несчастные случаи и темные предрассудки, связанные с открытием различных египетских памятников. Опять с новым жаром стали вспоминать о злополучной мумии из Британского музея, всю эту древнюю, обросшую мохом историю, которая хоть и была легко опровергнута музеем, но все же пользовалась огромной популярностью.

Спустя две недели после смерти сэра Джона Уилларда скончался от острого заражения крови мистер Блейбнер, а еще через несколько дней в Нью-Йорке покончил с собой его племянник. «Проклятие Менхер-Ра» стало главной темой разговоров повсюду, и слава магии древнего Египта была вознесена до небес.

Именно в это время Пуаро получил коротенькую записку от леди Уиллард, вдовы умершего археолога, с просьбой приехать к ней на Кенсингтон-сквер. Я поехал вместе с ним.

Леди Уиллард была высокая, худая женщина, облаченная в глубокий траур. Ее осунувшееся, изможденное лицо говорило о тяжести недавней утраты.

— Очень любезно с вашей стороны, что вы приехали так быстро, мосье Пуаро.

— Я к вашим услугам, леди Уиллард. Вы хотели о чем-то посоветоваться со мной?

— Насколько я знаю, вы детектив, но я хотела посоветоваться с вами не только как с детективом. Вы человек с оригинальными взглядами на жизнь, я это знаю. У вас есть воображение, есть знание мира и опыт. Так скажите мне, мосье Пуаро, что вы думаете о сверхъестественных силах?

Пуаро немного поколебался, прежде чем ответить. Казалось, он обдумывал свой ответ. Наконец он сказал:

— Мне бы не хотелось, чтобы мы поняли друг друга неправильно, леди Уиллард. Ведь это не самое главное, о чем вы хотели меня спросить. Вопрос этот имеет отношение к какому-то определенному лицу, не правда ли? Речь идет косвенно о смерти вашего супруга?

— Да, это верно, — призналась она.

— И вы хотели бы, чтобы я занялся расследованием обстоятельств его смерти?

— Я хотела бы, чтобы вы совершенно определенно установили для меня, что в газетах можно рассматривать как всякого рода вздор, а что является бесспорным, основанным на неопровержимых фактах. Умерло три человека, мосье Пуаро. Конечно, каждая смерть, взятая отдельно, может быть объяснена сама по себе. Но если рассматривать их вместе, налицо почти невероятное совпадение. И все это произошло в течение одного месяца после вскрытия гробницы! Возможно, все это пустые предположения, но это может быть и каким-то могущественным проклятием прошлого, проявляющимся подобным образом, что еще совершенно неизвестно современной науке. Факт остается фактом — три человека мертвы! И я боюсь, мосье Пуаро, я ужасно боюсь, что этим дело не кончится.

— За кого вы боитесь?

— За сына. Когда мне сообщили о смерти мужа, я была больна. Поехал мой сын, только что закончивший Оксфорд. Он и привез домой тело отца. Но теперь он снова уехал туда, не вняв ни моим просьбам, ни мольбам. Его настолько увлекла работа, что он решил занять место отца и завершить

раскопки. Вы можете считать меня глупой и легковерной женщиной, но я боюсь, мосье Пуаро. А что, если дух умершего царя еще не насытился? Возможно, вам кажется, что я несу несусветную чепуху...

— Вовсе нет, леди Уиллард, — поспешил возразить Пуаро. — Я тоже верю в силу предрассудков. Это одна из могущественнейших сил, какие только когда-либо знал мир.

Я взглянул на него с удивлением. Я бы никогда не мог поверить, что Пуаро — суеверный человек. Но казалось, в данный момент он был вполне искренен.

— Так, значит, вы действительно хотите, чтобы я защитил вашего сына? Я сделаю все, что смогу, чтобы уберечь его от зла.

— Да, что касается внешней среды, но как убедить его от влияния таинственных сил?

— В средневековых свитках, леди Уиллард, можно найти множество средств против черной магии. Вероятно, наши предки знали больше, чем мы, современные люди, со всей нашей хваленой наукой. А теперь давайте перейдем к фактам, чтобы у меня было чем руководствоваться. Ваш муж всегда был преданным своему делу египтологом, ведь так?

— Да, с молодости. Он считался одним из крупнейших знатоков в этой области.

— А мистер Блейбнер, насколько я знаю, был всего лишь дилетантом?

— Да, настоящим дилетантом. Он был очень богатым человеком и мог свободно, как любитель, заниматься разработкой любых проблем, которые вдруг приходили ему в голову. Моему мужу удалось заинтересовать его египтологией, и именно на его средства была так хорошо оснащена эта экспедиция.

— А его племянник? Что вы знаете о его наклонностях? Входил ли он в состав членов этой экспедиции?

— Не думаю. Вообще-то говоря я и не подозревала о его существовании, пока не прочла в газетах о его смерти. Мне кажется, что он и мистер Блейбнер вовсе не были в близких родственных отношениях. Во всяком случае сам мистер Блейбнер никогда не говорил, что у него есть родственники.

— А кто еще входил в число членов экспедиции?

— Доктор Тоссуилл — какой-то мелкий служащий Британского музея; затем мистер Шнейдер из музея «Метрополитен» в Нью-Йорке; молодой американец — секретарь экспедиции; доктор Эймс, сопровождающий экспедицию в качестве врача, и преданный слуга моего мужа — туземец Хассан.

— Не помните ли вы имени американца — секретаря экспедиции?

— Мне кажется, Харпер, но я не совсем уверена. Насколько я знаю, он недавно стал работать у мистера Блейбнера. Это весьма приятный молодой человек.

— Спасибо, леди Уиллард.

— Если же вам понадобятся еще какие-нибудь сведения...

— Нет, пока больше ничего не нужно. Теперь доверьте это дело мне и будьте уверены, что я сделаю все, что в человеческих силах, чтобы убедить вашего сына.

Вообще-то говоря, фраза прозвучала не очень убедительно, и я вопросительно взглянул на леди Уиллард. И все же сам факт того, что Пуаро не отнесся с пренебрежением к ее опасениям, казалось, действовал на нее успокаивающе. Что касается меня, то я никогда раньше и не подозревал, что у Пуаро в душе так глубоко коренятся суеверия.

По дороге домой я попытался коснуться этого вопроса. Его отношение оказалось серьезным и искренним.

— Действительно, Хастингс, я верю в эти вещи. Не следует недооценивать силу предрассудков.

— Что вы собираетесь теперь делать?

— Вы, как всегда, практичны, мой дорогой Хастингс! Так вот, начнем с того, что отправим телеграмму в Нью-Йорк и запросим более полные сведения о смерти молодого мистера Блейбнера.

И в должное время он отправил свою телеграмму, ответ был исчерпывающим и ясным. Молодой Руперт Блейбнер на протяжении последнего ряда лет сидел, что называется, на мели. Еще раньше он кое-как перебивался случайными заработками или существовал на деньги, которые ему присылали с родины на островах Южного моря. Но два года назад он вдруг вернулся в Нью-Йорк и стал быстро скатываться все ниже и ниже. Заслуживающим внимания, на мой взгляд, явился тот факт, что незадолго до смерти ему удалось набрать достаточную сумму, чтобы отправиться в Египет. «Там у меня есть хороший приятель, у него я сумею одолжить денег», — объявил он тогда. Но его планам не суждено было осуществиться. Он возвратился в Нью-Йорк, проклиная своего дядю-скрягу, которого больше волнует останки давно умерших и забытых царей, чем судьба его близкого родственника. Смерть сэра Джона Уилларда наступила как раз в то время, когда Руперт находился в Египте. Он снова повел беспутную жизнь в Нью-Йорке, а затем неожиданно вдруг покончил жизнь самоубийством, оставив записку, где было несколько странных фраз. Он называл себя проклятым и отверженным, а в конце писал, что таким, как он, всего лучше умереть.

Мне в голову пришла мрачная мысль. Вообще-то я никогда не верил в месть давно умершего египетского царя, и в данном случае я угадывал вполне определенное преступление нашего века. Можно было предположить, что молодой человек захотел расправиться со своим дядей, и, вероятнее всего, решил его отравить, но по ошибке смертельную дозу яда принял сэр Джон Уиллард. Тогда молодой человек возвратился в Нью-Йорк, преследуемый совестью. А тут до него дошла весть о смерти дяди, он понял всю бессмысленность своего преступления и, терзаемый угрызениями совести, покончил с собой.

Я высказал эти соображения Пуаро. Он отнесся к ним с интересом.

— Остроумно, что вы об этом подумали, действительно весьма остроумно! Все это может оказаться даже правдой. Но вы сняли со счетов фатальное влияние гробницы.

Я пожал плечами.

— Вы все еще думаете, что это имеет какое-нибудь отношение к происшедшему?

— Так это или иначе, мой друг, но завтра мы выезжаем в Египет.

— Что? — воскликнул я в изумлении.

— То, что вы слышали.

Выражение осязательного героизма было на лице Пуаро. Потом он вдруг нахмурился.

— Да, но это море! — застонал он. — Это ужасное море!

Прошла неделя. И вот под ногами у нас золотой песок пустыни, над нами палящее солнце. Пуаро — сплошное олицетворение страдания — понуро плетется рядом со мной. Бедняга оказался совсем никудышным путешественником, и наше четырехднев-

ное плавание от Марсея было для него сущей мукой.

Но как бы то ни было, мы в конце концов прибыли к месту раскопок. Нас встретил загорелый человек с седой бородой, в белой одежде и в шлеме.

— Мосье Пуаро и капитан Хастингс? Мы получили вашу телеграмму. Весьма сожалею, что никто не смог встретить вас в Каире. Случилось непредвиденное обстоятельство, совершенно нарушившее наши планы. Умер мой американский коллега доктор Шнейдер.

— Причина смерти? — спросил Пуаро.

— Столбняк.

— О господи, — прошептал Пуаро. — Ничего не понимаю, но все это просто ужасно. Скажите мне, мосье, есть ли уверенность, что это именно столбняк?

— Думаю, что да. Доктор Эймс сможет рассказать вам больше, чем я.

— Да, конечно. Вы ведь не врач.

— Меня зовут Тоссуилл.

Нас провели через лагерь к большой палатке. Доктор Тоссуилл приподнял свешивавшийся клапан, и мы вошли внутрь. В палатке сидело трое мужчин.

— Мосье Пуаро и капитан Хастингс, — представил нас Тоссуилл.

Самый молодой из сидевших вскочил и поспешно бросился нас приветствовать. В его манерах чувствовался заряд импульсивности, напомнивший мне его мать.

Он представил нам остальных двух: доктора Эймса, которому было за тридцать, с проседью на висках, выглядевшего довольно умным, и мистера Харпера, секретаря, симпатичного худощавого молодого человека в роговых очках.

После нескольких минут бессвязного разговора мистер Харпер ушел. Вскоре за ним последовал и доктор Тоссуилл. Мы остались с сэром Гаем Уиллардом и доктором Эймсом.

— Пожалуйста, спрашивайте обо всем, что бы вам хотелось узнать, мосье Пуаро, — сказал Уиллард. — Мы здесь совершенно ошеломлены этой странной полосой несчастий, но все это является — да и не может не быть — не чем иным, как совершенно случайным стечением обстоятельств.

На лице Пуаро появилось весьма многозначительное выражение.

— Тогда, очевидно, мы должны восстановить фактическое положение дел. Когда произошла смерть мистера Шнейдера?

— Три дня назад.

— Вы уверены, что это был столбняк?

— Совершенно уверен.

— А не могло ли это быть, например, отравление мышьяком?

— Нет, мосье Пуаро, это исключено. Я понимаю, что вы имеете в виду. Но это явный случай столбняка.

— Наблюдались ли в лагере еще случаи столбняка?

— Нет, ни разу.

— А вы абсолютно убеждены, что смерть мистера Блейбнера была вызвана не столбняком?

— Абсолютно уверен. Он поранил палец, загрязнил рану и началось заражение крови. Смеею заметить, что неспециалисту эти два заболевания кажутся одинаковыми, но они совершенно различны.

— Таким образом, перед нами четыре смертельных случая, и все они несхожи: один от сердечного

приступа, один в результате заражения крови, один — самоубийство и еще один — жертва столбняка.

— Совершенно верно, мосье Пуаро.

— Вы уверены, что нет чего-либо такого, что могло бы связать все эти четыре случая воедино?

— Я не совсем вас понимаю.

— Я объясню проще. Не совершил ли кто-либо из этих четырех людей какого-нибудь поступка, который мог бы показаться признаком неуважения к духу царя Менхер-Ра?

Доктор в изумлении уставился на Пуаро.

— Вы говорите сущую чепуху, мосье Пуаро. Уверен, что вы не собирались подшутить над нами, заявляя, что верите всем этим глупым разговорам?

— Полнейшая чепуха, — раздраженно проговорил Уиллард.

Пуаро остался безмятежно спокойным, только в его зеленых кошачьих глазах что-то блеснуло.

— Так, значит, вы в это не верите, мосье доктор?

— Нет, сэр, не верю, — подчеркнуто, с особым ударением заявил доктор. — Я человек ученый и верю только в то, что нам дает наука.

— А разве в древнем Египте не было науки? — мягко спросил Пуаро.

Он не ждал ответа на свой вопрос, к тому же на какой-то момент доктор Эймс действительно окзался в затруднении.

— Нет, нет, не отвечайте. Скажите лишь одно: что думают по этому поводу местные рабочие?

— Мне кажется, — сказал доктор Эймс, — что если уж белые потеряли голсы, то что говорить о туземцах. Все они в панике, но причин для этого у них нет.

— Я в этом не вполне уверен, — сказал Пуаро уклончиво.

Сэр Гай подался вперед.

— Несомненно! — закричал он, и в голосе его послышались скептические нотки. — Несомненно, что вы сами в это не верите, ведь это же абсурд! А если уж вы так думаете, то значит равным счетом ничего не знаете о древнем Египте.

Вместо ответа Пуаро вытащил из кармана небольшую книжку, старинный обтрепанный томик. Когда он передавал его сэру Гаю, я прочел название «Магия египтян и халдеев». Затем, повернувшись, он вышел из палатки. Доктор пристально смотрел на меня.

— Так в чем же заключается его идея?

Эта фраза, такая обычная в устах самого Пуаро, заставила меня улыбнуться.

— Право же, не знаю, — признался я. — У него есть какой-то план, как мне кажется, обуздания злых духов.

Я пошел разыскивать Пуаро и увидел, что он разговаривает с худощавым молодым человеком — секретарем покойного мистера Блейбнера.

— Нет, — говорил мистер Харпер, — я с этой экспедицией работаю только шесть месяцев. Да, я хорошо знал все дела мистера Блейбнера.

— Не могли бы вы рассказать мне что-нибудь о его племяннике?

— Однажды он появился здесь. Довольно приятный парень. Я раньше его никогда не видел. Но кое-кто из здешних встречался с ним. Это Эймс, и, кажется, Шнейдер. Старик Блейбнер совсем не обиделся его приезду. Между ними сразу же произошла крупная ссора. «Ни единого цента, — кричал старик. — Ни единого цента ни теперь, ни после моей смерти! Я оставляю все свои деньги для про-

должения работы, которой я отдал всю жизнь. И сегодня я уже все обговорил с мистером Шнейдером». Дальше разговор шел в том же духе. Молодой Блейбнер тут же уехал в Каир.

— А в то время состояние его здоровья было вполне хорошим?

— Здоровье старика?

— Нет, молодого человека.

— Мне кажется, что он говорил, будто у него что-то болит. Но это не могло быть чем-то серьезным, иначе я бы запомнил.

— Еще один вопрос. Мистер Блейбнер оставил завещание?

— Насколько мне известно, нет.

— Вы собираетесь и дальше работать в этой экспедиции, мистер Харпер?

— Нет, сэр, не собираюсь. Еду в Нью-Йорк, как только управлюсь с делами. Можете смеяться надо мной, если захотите, но я вовсе не желаю оказаться следующей жертвой этого проклятого Менхер-Ра. А он и меня погубит, если я здесь останусь.

Молодой человек отер со лба пот. Пуаро повернулся и пошел. Через плечо он заметил со странной улыбкой:

— Не забудьте, что одну из своих жертв он достиг и в Нью-Йорке.

— О дьявол! — в сердцах воскликнул мистер Харпер.

— Этот молодой человек нервничает, — сказал задумчиво Пуаро. — Он на пределе, совсем-совсем на пределе.

Я вопрошающе взглянул на Пуаро, но он продолжал загадочно улыбаться.

Вместе с сэром Гаем Уиллардом и доктором Тоссуиллом мы обошли место раскопок. Главные находки уже отправили в Каир, но и оставшиеся здесь кое-какие украшения гробницы были чрезвычайно интересны. Энтузиазм молодого баронета был очевиден, но мне показалось, что я заметил некоторые следы нервозности в его поведении, как будто он никак не мог отделаться от чувства опасности, витавшей вокруг. Когда мы вошли в предназначенную для нас палатку, чтобы умыться перед ужином, то увидели высокую темную фигуру в белых одеждах, стоявшую в стороне. Изящным жестом человек пригласил нас в палатку, произнес какие-то приветствия по-арабски. Пуаро остановился.

— Ты Хассан, слуга покойного сэра Джона Уилларда?

— Да, я служил моему господину сэру Джону, теперь служу его сыну.

Он приблизился к нам на шаг и понизив голос, сказал Пуаро:

— Вы умный человек, так говорят. И вы знаете, как обращаться со злыми духами. Пусть молодой господин уезжает поскорее отсюда. Вокруг нас бродит зло.

И резко повернувшись, вышел, не дожидаясь ответа.

— Зло бродит вокруг, — тихо сказал Пуаро. — Да, я это чувствую.

Нашу трапезу едва ли можно было назвать веселой. Говорил в основном доктор Тоссуилл, странно разглагольствуя о египетских древностях. Когда мы уже собрались уйти в свою палатку отдохнуть, сэр Гай вдруг схватил Пуаро за руку и показал куда-то в сторону. Странная темная фигура двигалась среди палаток, это не был человек. Я отчетливо различил фигуру с головой собаки, точно такую же, какую видел на фресках на стенах гробницы. Кровь остановилась у меня в жилах.

— О господи! — пробормотал Пуаро, энергично перекрестившись. — Это Анубис, бог с головой шакала, покровитель душ умерших.

— Кто-то нас мистифицирует! — закричал доктор Тоссуилл, возмущенно вскакивая с места.

— Он, направился в вашу палатку, Харпер, — пробормотал сэр Гай.

В лице у него не было ни кровинки.

— Нет, — сказал Пуаро, покачав головой, — он пошел в палатку доктора Эймса.

Доктор недоверчиво посмотрел на Пуаро, а потом, повторяя слова доктора Тоссуилла, закричал:

— Кто-то нас мистифицирует! Идемте, мы сразу схватим его.

Он стремглав бросился в погоню за этим таинственным существом, я поспешил за ним. Но несмотря на все наши старания, мы не смогли найти и следа живой души, прошедшей этим путем. Мы возвратились назад, в глубине души немного смущенные и увидели, что Пуаро принимает энергичные меры для обеспечения своей личной безопасности. Он деловито рисовал на песке вокруг нашей палатки какие-то диаграммы и надписи. По своему обыкновению он одновременно экспромтом читал лекцию о колдовстве и волшебстве и вообще о белой магии, противостоящей черной.

Оказалось, что это глубоко затронуло самые животрепетливающие струнки в докторе Тоссуилле и вызвало его презрение. Он отвернул меня в сторону и, буквально пылая от гнева, воскликнул:

— Галиматья, сэр! Понимаете, все это полнейшая галиматья. Этот человек — мошенник. Он не знает различия между прелестями средневековья и верованиями древнего Египта. Никогда еще в жизни не слышал я такой беспардонной смеси невежества и легковесности.

Я успокоил взволнованного эксперта и пошел в палатку к Пуаро. Мой друг весь прямо-таки сиял.

— Теперь уж я смогу спать спокойно, — радостно объявил он. — И я хочу выпиться. Моя голова, ох, как она ужасно болит! Хорошо бы сейчас выпить чашечку чая из настоя ромашки!

И как бы в ответ на его просьбу клапан палатки приподнялся, и вошел Хассан, неся в руках чашку с чем-то кипящим и предложил ее Пуаро. Это был настой из ромашки, напиток, который так сильно любил Пуаро. Мы поблагодарили Хассана, отказались от еще одной чашки, предназначавшейся для меня, и снова остались одни. Раздевшись, я еще некоторое время постоял у входа в палатку, глядя на простирающуюся передо мной пустыню.

— Чудесное место, — сказал я вслух. — И чудесная работа. Я и сам чувствую какое-то очарование. Жизнь в пустыне, исследование самой сути уже исчезнувшей цивилизации. Право же, Пуаро, и вы тоже должны почувствовать всю прелесть такой жизни. Разве я не прав?

Ответа не последовало. Я обернулся немного раздосадованный. Моя досада мгновенно сменилась тревогой.

Пуаро лежал на спине поперек грубо сколоченной кровати. Лицо его исказили страшные конвульсии. Рядом валялась пустая чашка.

Я бросился к нему, потом выскочил из палатки и ринулся через весь лагерь к палатке доктора Эймса.

— Доктор Эймс, — закричал я, — быстрее!

— Что случилось? — спросил доктор, появляясь в одной пижаме.

— Мой друг! Он заболел. Умирает. Настой из ромашки... Не разрешайте Хассану покидать лагерь.

Как молния, доктор кинулся в нашу палатку. Пуаро лежал в той же позе, в какой я его оставил.

— Странно! — воскликнул Эймс. — Похоже, что у него обморок, или... Вы сказали, что он выпил что-то?

Доктор поднял пустую чашку.

— Но я этого не пил, — раздался спокойный голос. Мы в изумлении обернулись. Пуаро сидел на кровати и улыбался.

— Нет, — повторил он тихо, — я этого не пил. Пока мой дорогой друг Хастингс был занят рассматриванием ночной пустыни, я воспользовался случаем и выпил содержимое этой чашки, но только не себе в рот, а в маленькую бутылочку. Бутылочка эта будет отдана на анализ.

— Нет, нет, и не пытайтесь! — вскричал Пуаро, когда доктор сделал неожиданный рывок вперед. — Как здравомыслящий человек вы, конечно, понимаете, что в данном случае применять силу бесполезно. Пока Хастингс ходил за вами, у меня было достаточно времени, чтобы хорошо спрятать эту бутылочку. Хастингс, скорее, держите его!

Я не понял, почему Пуаро вдруг так заволновался. Желая спасти своего друга, я бросился к нему и загородил его собой. Но движение доктора, которое так взволновало Пуаро, имело совсем другой смысл. Его рука поднялась ко рту, в воздухе разлился запах горького миндаля, он подался вперед и упал.

— Еще одна жертва, — мрачно сказал Пуаро, — но теперь уже последняя. Возможно, для него это наилучший выход. На его совести три человеческие жизни.

— Доктор Эймс? — вскричал я совершенно ошеломленный. — А я-то думал, что вы действительно верите в могущество каких-то темных таинственных сил!

— Вы меня неправильно поняли, Хастингс. Все, что я говорил, означает, что я верю в могущественную силу суеверий. Стоит лишь попасться на эту удочку, и тогда эти несколько смертельных случаев покажутся сверхъестественными, и если даже кто-нибудь задумал бы среди бела дня всадить нож в спину другому, то и это отнесли бы за счет проклятия богов, настолько велик в людях инстинкт суеверий. Я сразу стал подозревать, что какой-то человек воспользовался этим инстинктом. Мне кажется, ему пришла в голову эта мысль после смерти сэра Джона Уилларда, когда поднялась бешеная волна всяческих предрассудков. Насколько я мог понять, никакой пользы из смерти сэра Джона никто извлечь не мог. А вот мистер Блейбнер — это совсем другое дело. Он был весьма богатым человеком. Те сведения, которые я получил из Нью-Йорка, содержали несколько моментов, заставивших меня задуматься. Прежде всего сообщалось, что молодой Блейбнер говорил, будто у него есть хороший друг в Египте, у которого он сможет занять деньги. Подразумевалось, что он имел в виду своего дядю, но мне казалось, что в таком случае он мог бы прямо так и сказать. Значит, он имел в виду не дядю, а кого-то другого. И еще одно: молодой Блейбнер еле-еле наскреб денег, чтобы доехать до Египта, как известно, его дядя отказался дать ему какую-либо сумму, и все же он сумел заплатить за обратный билет до Нью-Йорка. Следовательно, деньги ему дал кто-то другой.

— И все же этого мало, — возразил я.

— Да, это не все, Хастингс. Нередко бывает так, что слова, сказанные метафорически, воспринимают-

ся в буквальном смысле. Случается и обратное. В данном случае буквальный смысл слова был воспринят иносказательно. Молодой Блейбнер писал совершенно ясно: «Я прокаженный», но никто не понял, что он застрелился именно потому, что поверил, будто действительно заразился этой страшной болезнью.

— Что? — воскликнул я.

— А было это довольно ловкой выдумкой дьявольски жестокого ума. Молодой Блейбнер страдал от какого-то незначительного заболевания кожи. Ведь он жил некоторое время на островах Южного моря, а там эта болезнь весьма распространена. Эймс был его давним приятелем и довольно известным врачом. Блейбнер и не подумал бы усомниться в искренности его слов. Когда я приехал сюда, мои подозрения пали как на Харпера, так и на доктора Эймса, но вскоре я понял, что только врач мог бы совершить и скрыть все эти преступления, а от Харпера я узнал, что еще раньше Эймс был знаком с молодым Блейбнером. Возможно, Блейбнер когда-либо обмолвился, что хотел бы оставить завещание, а может, даже застраховать свою жизнь на имя доктора Эймса, и Эймс увидел в этом возможность разбогатеть. Ему было совсем нетрудно вспрыснуть Блейбнеру смертельную дозу вакцины... Затем племянник в отчаянии от ужасных слов своего друга о прокаже стреляет в себя. Старик, Блейбнер, несмотря на намерения, завещание все же не оставил. Его состояние перешло к его племяннику, а от племянника к доктору.

— А мистер Шнейдер?

— Здесь ничего нельзя сказать наверняка. Помните, ведь мистер Шнейдер тоже знал молодого Блейбнера и мог кое-что заподозрить. Возможно и другое объяснение: доктор мог подумать, что смерть еще одного человека, смерть без какого-либо основания и без видимой причины, могла лишь усилить вихрь суеверий. А дальше я поделился с вами, Хастингс, одним интересным психологическим наблюдением. У убийцы возникает очень сильное желание повторить удачное преступление, им овладевает желание действовать. Отсюда мои опасения за молодого Уилларда. В образе Анубиса, которого вы видели сегодня вечером, являлся перед вами Хассан, специально переодетая по моему приказу. Мне хотелось посмотреть, сумею ли я напугать доктора Эймса, но оказалось, что для этого нужно было нечто большее, чем сверхъестественные силы. Я убедился, что он ни на йоту не поверил, будто я связываю преступление с мстительными таинственными сил. Эта маленькая комедия, которую я разыграл специально для него, не смогла его обмануть. Я подозревал, что он попытается сделать меня следующей жертвой. Да, что и говорить, ни морская болезнь, ни одуряющая жара, ни надоедливый песок не повлияли на мои серые мозговые клетки, они пока еще действуют!

Пуаро оказался абсолютно прав.

Как выяснилось, несколько лет назад молодой Блейбнер в угаре пьяного веселья, написал шуточное завещание: «Мой портсигар, который так вам нравится, и все остальное, чем я владею, хоть это в основном и долги, завещаю моему дорогому другу Роберту Эймсу, однажды спасшему мне жизнь, когда я тонул».

Перевел
Валентин Коткин